

УДК 93/94 Гайде Р.

DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.kop.301-312>

Николай Александрович КОПЫЛОВ, д.и.н., доц.
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации
n-kopylov@mail.ru

Доц. др Николај Александрович КОПИЛОВ
Московски државни институт међународних односа (универзитет)
Министарства спољних послова Руске Федерације

Похождения бравого аптекаря Радола Гайды в России Доживљаји доброг апотекара Радоле Гайде у Русији

Такие переломные моменты истории, как Первая мировая и Гражданская войны всегда выдвигали первый план людей, наделенных от природы взрывной энергией, способных вести за собой массы. Таким человеком в истории Гражданской войны в Сибири 1918-1919 гг. был Радола Гайда. Этот персонаж, сделавший за короткое время головокружительную карьеру на русской службе, по-прежнему остается для российской истории загадкой.

Его оценка с точки зрения противоборствующих сторон довольно тенденциозна. В энциклопедическом словаре „Гражданская война и военная интервенция в СССР“ публикуется следующее сообщение о генерал-лейтенанте колчаковской армии Р. Гайде: „Чехословацкий контрреволюционный военный деятель. В Первую мировую войну унтер-офицер (присвоил себе затем звание младшего офицера) австро-венгерской армии. В 1915 г. перешел на сторону черногорских войск, затем бежал в Россию. С весны 1918 г. командир 7-го полка Чехословацкого армейского корпуса. Один из инициаторов и руководителей Чехословацкого корпуса мятежа 1918 г. С сентября 1918 г. генерал-майор, командир 2-й чехословацкой дивизии, с октября – Екатеринбургской группы. С января 1919 г. генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией; в июле (после провала наступления колчаковских войск) смещен Колчаком с поста и „вычеркнут из списков русской армии. В ноябре во Владивостоке возглавил высту-

пление оппозиционных Колчаку право-эсеровских и буржуазно-либеральных группировок; затем выехал на родину...“¹

Однако отрицательная оценка личности Гайды и его деятельности в России характерна не только для советской стороны. Белые участники гражданской войны в Сибири, вообще старающиеся все свои ошибки и поражения приписать „предательству чехословаков“, также не пожалели черной краски в описании личности генерала Р. Гайды. Одним из первых об этом написал в 1923 г. генерал-лейтенант К.В. Сахаров, командовавший Восточным фронтом во время его катастрофы в ноябре 1919 г. Его оценка довольна одиозна и во многом повторяется в воспоминаниях и трудах российских эмигрантов. „...Уже тогда (ноябрь 1918 г. – Н.К.) в Сибири ходили слухи, что Гайда самозванец, что он на самом деле бывший фельдшер, обманным способом принявший чин офицера при его дезертирстве из австро-венгерской армии в Черногорию. Но эти слухи опровергались официально, а адмирал Колчак, поверивший Гайде безгранично, запретил распространение их под угрозой суровой кары. Чехи же скрывали правду, по вполне понятным причинам.

Теперь, по истечении десяти лет положение вещей выяснилось. Оказывается, в этом человеке все ложно, начиная с имени. Не Radola Gaida, а Rudolf Geidl, окончил курс четырех гимназических классов в Богемии в 1908 году. Два года он затем изучал при университете косметику, после чего поступил фармацевтом в аптекарскую лавку.

Начало мировой войны застаёт Гейдля в австро-венгерской армии на должности санитарного унтер-офицера. В 1915 году он в плену у черногорцев и здесь решает назвать себя доктором Гайдой, по специальности врачом. Черногорцы поверили ему и из фармацевта вылутился врач. Гайда служит в этой должности в черногорской армии до ее конца в 1916 году. Тогда он решает переключиться в Россию. На итальянском корабле отплывает в Одессу и под именем Радоля Гайды вступает в чешские войска. Здесь предприимчивый и не стесняющийся ничем чех доходит быстро до верха, заняв вскоре место начальника дивизии и генерала.

Адмирал Колчак не только принял этого проходимца на русскую службу и осыпал его наградами. Но и считал своим другом. “²

1 *Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия*, Москва 1987, 139.

2 Сахаров К. В., *Белая Сибирь. Внутренняя война 1918-1920*, Москва 2018, 453-454.

Следует отметить, что примерно такие оценки личности Р. Гайды кочуют по страницам современных научных исследований, хотя спустя описываемых событий прошло уже свыше ста лет. В них чешский генерал на русской службе предстает как выскочка, авантюрист или даже кондотьер: „Радола Гайда (Рудольф Гейдль, а по-русски – Родион Иванович), 26-летний обер-лейтенант австро-венгерской армии, капитан медицинской службы армии черногорской и капитан Чешско-Словацкого корпуса, несмотря на мирную профессию аптекаря, нашел себя именно на войне. Причем в должности строевого офицера. Обладая тактическим чутьем и решительностью, готовностью к ответственности за рискованные поступки, он отличился в летних боях 1917 года, а в 1918-м по заслугам стал генералом, с боями проложив дорогу от Ново-Николаевска в Забайкалье. Однако с несомненными достоинствами Гайда отличался чрезмерной амбициозностью, большим самомнением и неуживчивостью. Что легко создавало ему врагов.“³

Весьма противоречивые, а порой и одиозные, эпитеты, бросаемые авторами в адрес Гайды, заставляют внимательно посмотреть на ключевые моменты биографии и жизненного пути этого человека.

Рудольф Гейдль (Радола Гайда) родился 14 февраля 1892 г. в городе Которе, где проходил воинскую службу его отец, Иоганн Гейдель, который происходил из семьи онемеченных чехов. Иоганн Гейдель был старослужащим унтер-офицером австро-венгерской армии, дослужился до чина фельдфебеля. Работал он в административном подразделении по бухгалтерской части, но в его должностные функции входили и дела, связанные с отказом от прохождения воинской службы, распределение отпусков и иные подобные обязанности. Во время службы в армии судьба занесла Иоганна Гейделя на Адриатическое побережье. Он был переведен в Котор, военно-морскую базу австро-венгерской империи. Там он познакомился со своей будущей женой Анной. Точное национальное происхождение Анны сложно определить. Вероятно, она была уроженкой Боки Которской.⁴

Семейная фамилия Гейдель, явно указывающая на некоторую „немецкость“, к тому времени постепенно изменилась в более чешскую – Иоганн Гейдель стал именоваться Ян Гейдль. Рудольф родился уже как Гейдль, и в принципиальной „чешкости“ пошел по стопам

3 Кручинин А. С., *Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память*, Москва 2010, 253.

4 Рувинский М., „Еврейский путч повешенного в своей камере Рудольфа Гейделя (Мифы русской историографии последних лет)“, *Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*, Прага 2012, 91.

своего отца, окончательно изменив на славянский лад не только фамилию – из Гайдля в Гайду, но и имя – из Рудольфа в Радолу. (Родной брат Гайды Духослав Гадль, будущий чешский фашист и один из руководителей будущего фашистского путча, фамилию оставил потому, что уж имя – Духослав – ему досталось насквозь „патриотическое“; вообще ославянивание имен у чехов имело давнюю патриотическую традицию, даже Бенеш, будущий президент Чехословакии, сменил данное ему при крещении имя Эдуард на более по-чешски звучащее Эдвард, а его жена свое библейское имя Анна на чешское Гана; да и сам Томаш Масарик в юности прибавил себе „патриотическое“ второе имя Властимил).⁵

По матери Гайда был носителем средиземноморской и динарской крови (отсюда его экспансивность, строптивость, жажда деятельности), а по отцу чех (отсюда его пунктуальность, любовь к порядку и парадоксальный, на первый взгляд, не совмещающийся с его ролью фашистского вождя, пропитанный социалистическими идеями, демократизм). Очевидно, превращение сильно онемеченного Йоганна Гайделя в чистого чеха Яна Гайдля еще в детстве весьма подействовало на его сына. Радола Гайда вырос не просто славянофилом, но сербо- и русофилом, а также убежденным чешским националистом.⁶

В 1904-1908 гг. Гайда посещал младшие классы гимназии в Кийове, где его отец после ухода в отставку состоял гражданским чиновником уездного правления в городе Кийове на Мораве. 1 октября 1910 г. молодой Радола Гайда поступает на военную службу в 5-й артиллерийский полк в Которе в качестве вольноопределяющегося. По окончании действительной службы остался в армии в качестве офицера административной службы. Вскоре он увольняется с военной службы и занимается торговлей аптекарскими и косметическими товарами в Шкодере, где незадолго перед мировой войной женится на дочери местного врача.

С началом всеобщей мобилизации, 28 июля 1914 г., Р. Гайда был мобилизован в австро-венгерскую армию, сначала как прапорщик, затем будто повышен в чине до поручика и надпоручика. В сентябре 1915 г. молодой офицер попадает в плен к черногорцам. Он не

5 Ibid, 92.

6 Ibid.

попал в лагерь для военнопленных, а был принят на черногорскую службу, где вскоре получил чин капитана.⁷

В течение 1916 г. героически сопротивлявшиеся превосходящему натиску противника сербские и черногорские войска на Балканах были разбиты и вынуждены были покинуть родной полуостров, эвакуировавшись в греческий порт Салоники. Здесь Гайда переезжает через Францию в Россию с документами, выданными ему в русской военно-медицинской миссии, в которых было означено, что он лекарь (член миссии), возвращающийся в Россию. Там он поступает на службу в Сербскую добровольческую дивизию в качестве военного лекаря.

Затем 30 января 1917 г. Радола Гайда переходит на службу в формируемую в составе русской армии Чехословацкую бригаду и получает назначение во 2-й чехословацкий стрелковый полк с чином подкапитана.

Следует отметить, что с началом Первой мировой войны по инициативе чехословацких общин в России было принято решение сформировать Чешскую дружину для борьбы с австрийцами. Лидеры чехословацкого национального движения в России рассматривали этот факт в качестве первого шага к достижению чешской автономии в составе Австро-Венгрии. К концу 1916 г., когда дружина была развернута в полк, а затем – в бригаду, Чехословацким Национальным Советом в Париже и Союзом чехословацких обществ в России был взят курс на достижение независимости Чехословакии после окончания войны.

Во время Июньского наступления русской армии 1917 г. 1-я чешско-словацкая бригада отличилась в Зборовском сражении. Как потом отмечали апологеты чехословацкого возрождения, чешские и словацкие солдаты „показали чудеса храбрости и покрыли свои молодые знамёна неувядаемой славой. Боем у Зборова они смыли своё рабство и получили полное право на свободу.“⁸ Заслуги чехов и словаков признавал и главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов, отмечавший, что посылал чехов в „самые опасные и трудные места, и они в всегда блестяще выполняли возлагавшиеся на нее (Чешскую дружину – Н.К.) задачи.“⁹

7 Позднякова Н., „Радола Гайда – герой Белого движения?“, *Уральский следопыт* 11/2009, 57.

8 Драгомирецкий В. С., *Чехословаки в России. 1914-1920*, Париж; Прага 1928, 32.

9 Брусилов А. А., *Мои воспоминания*, сост. В. А. Авдеев, С. Г. Нелипович, Москва 2004, 145.

В рядах Чехословацкой бригады сражался Р. Гайда, 28 июня 1917 г. назначенный командиром 1 батальона 2-го стрелкового чехословацкого полка. 2 июля 1917 г. отличился в сражении при Зборове, приняв на себя командование полком, и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Затем он был назначен временно командующим 2-м полком.

Летом 1917 г. процесс формирования чехословацких воинских частей пошел в ускоренном темпе. 1-я стрелковая бригада была развернута в дивизию, одновременно началось формирование новой 2-й чехословацкой стрелковой дивизии. К октябрю 1917 г. был сформирован Чехословацкий стрелковый корпус, насчитывавший около 38-40 тысяч человек. Его подразделения дислоцировались на территории г. Киева и Киевского военного округа, т.е. там же, где раньше размещались чехословацкие дружины. К этому времени чехи и словаки служили уже во французской, итальянской, британской и американской армиях, но в качестве военнослужащих этих же армий. Ни в одной из них до той поры не были созданы отдельные национальные формирования. Поэтому ЧНС особенно дорожил Чехословацким стрелковым корпусом в России как основой будущей армии независимой республики. Такое отношение во многом предопределило действия самого Совета и командования корпуса, направленные на его сохранение как боеспособной силы в сложных условиях революционной России.

В октябре 1917 г. чехословацкое национальное движение, включая ЧНС и Чехословацкий корпус, официально заняло позицию нейтралитета по отношению к революционным событиям в России. Его руководители, в частности, председатель Чехословацкого Национального Совета (ЧНС) Т.Г. Масарик, а также его ближайший сподвижник и будущий министр иностранных дел независимой Чехословакии Э. Бенеш, впоследствии подробно разъяснили причины такого решения.

В первую очередь, для них было неприемлемо то, что большевистское правительство, хотя и никем не признанное, от имени России вступило в переговоры с государствами Четверного союза, а в марте 1918 г. подписало с ними сепаратный мир, который не только не учитывал стремления чехов и словаков к независимости, но вполне мог на этом стремлении поставить крест. Известно, что на переговорах в Брест-Литовске советская делегация выступила с предложением гарантировать всем национальным меньшинствам, не пользовавшимся до мировой войны политической самостоятельностью, свободное решение вопроса о своей государственной принадлежности или само-

стоятельности путем референдума. Но это предложение решительно отверг министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин, заявивший: „Вопрос о принадлежности национальных групп, не обладающих государственной самостоятельностью, по мнению держав Четверного союза, не может быть решен в межгосударственном порядке, каждое государство... должно решать этот вопрос со своими нациями самостоятельно, конституционным путем.“¹⁰ Его заявление вызвало в национальных областях Двуетидной монархии глубокое возмущение. Вместе с тем оно ещё раз показало, что мнимая готовность правящих кругов монархии пойти на компромисс с представителями неполноправных национальностей является всего лишь вынужденным маневром и может смениться новой волной национальных преследований в случае, если положение Австро-Венгрии удастся стабилизировать.¹¹ В таком положении у руководства ЧНС не оставалось иного выбора, как добиваться независимости вооруженным путем.

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.)¹² по соглашению с французскими военными и гражданскими властями чехословацкие воинские соединения, переформированные в стрелковый корпус, были причислены к вооруженным силам Франции. Официальным к тому основанием послужило его стремление, в отличие от русской армии, продолжать войну с Центральными державами на стороне Антанты.

26 марта 1918 г., вследствие ратификации Брест-Литовского мирного договора со странами Четверного союза, выведившего Россию из Первой мировой войны, Советское правительство в ответ на запросы со стороны чехословацкого и союзного командования дало согласие на вывод чехословацких войск из России. Следуя на восток по Транссибирской магистрали, они должны были через дальневосточные порты морем отправиться во Францию.

В последствии руководители чехословацкого национального движения, пытаясь объяснить причины, которые помешали выполнению этого плана, так оценивали сложившуюся ситуацию: „Чехосло-

10 Шмераль Я. Б., „Великая Октябрьская социалистическая революция и перспективы образования Чехословацкого государства“, *Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918-1939*, Москва 1968, 12.

11 Ibid, 12-13.

12 16 декабря (нов. ст.) 1917 г. был опубликован декрет президента Французской Республики Раймонда Пуанкаре об образовании автономной Чехословацкой армии во Франции. Подробнее см. *Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг.*, Москва 2013, 897-901.

вацкая добровольческая армия должна была проехать через территорию государства, в котором пылали революция и гражданская война, где были дезорганизованы транспорт и продовольствие, жители которого не имели ни малейшего понятия о существовании чехословацкой добровольческой армии. Наконец, это государство объявило своим лозунгом борьбу со всеми существующими правительствами, нарушило обязательства предшествующих правительств и, заключая мир с Центральными державами, объявило, что этот мир вовсе не означает прекращение борьбы с немецким империализмом. Поэтому вполне понятно, что все зависело гораздо больше от того, как разовьются взаимные отношения, как будут разрешены конкретные потребности чехословацкого добровольческого корпуса, среди которых более важную роль играл вопрос о переезде через всю Россию, чем правовое положение. При таком положении нельзя все было свести лишь к техническим вопросам, ибо немаловажную роль играли также вопросы взаимного познания, такта и понимания, вопросы взаимных политических отношений, которые для чехов и словаков были важны еще и потому, что от них зависела вся дальнейшая политическая работа в России.¹³

В составе корпуса должен был эвакуироваться из России и капитан Радола Гайда, назначенный в марте 1918 г. командиром 7-го стрелкового Татранского полка. В своих записях, легших потом в основу его воспоминаний, Гайда отмечал: „После заключения Брест-Литовского мира чехословаки не могли больше оставаться в России. Этот мир, со стороны русских, был предательством нашей революционной войны против Австрии, и вынуждал нас или к тягостному, полному испытаний, пути вокруг света, новым страданиям и мукам, или к перспективе мира с Германией, который по своей жестокости не уступал бы Брест-Литовскому... Оставаться в России значило изменить всем революционным идеям чехословацкого народа и, кроме того, сдать-ся на милость победителя.“¹⁴

К маю 1918 г. подразделения Чехословацкого корпуса были разбросаны на большом расстоянии вдоль Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Частично разоруженные, подвергавшиеся нападкам со стороны местных сибирских советов, чехословаки же-

13 Папоушек Я., „Причины Чехословацкого выступления в 1918 году“, *Воля России*, № 8-9, 1928, 291-292.

14 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

лали только одного: как можно скорее уехать из России. Чтобы этого добиться, они были готовы пойти на любые крайности.

14 мая 1918 г. в Челябинске незначительный конфликт на бытовой почве между легионерами, с одной стороны, и военнопленными немцами и венграми, с другой стороны, привел к столкновению чехословаков с местным советом, который они, пользуясь превосходством в силах, разогнали. Этот инцидент был крайне болезненно воспринят в Москве. Он послужил основанием для ареста руководителей отделения ЧСН в России, а также приказа о полном разоружении Чехословацкого легиона. Соответствующее распоряжение на места отправил нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий. В случае сопротивления он угрожал объявить чехословаков „вне закона“. Попытка исполнить этот приказ привела к новым столкновениям легионеров с представителями местных Советов, которые в значительной мере стихийно переросли в общее выступление Чехословацкого легиона против большевистской власти.

Активное участие в этих событиях принял капитан Р. Гайда, вошедший в состав Временного комитета, принявшего на себя командования частями корпуса. Впоследствии Гайда приписывал себе едва ли не руководящую роль в этих событиях: „Временный комитет состоял из 4 солдат, 4 членов Отделения О.Ч.С.Р. и 3 командиров: поручик Чечек, подполковник Войцеховский и я. Председателем Исполнительного комитета был выбран Богдан Павлу. Решением съезда, временно действующим как командующий армией, также Отделением Ч.С.Н.Р. в России постановлено: передвигаться только лишь направлением на Владивосток – единогласно. Будучи уверенными, что дальнейшие переговоры ни к чему не приведут, Исполнительный комитет поручил нам, трем командирам полков, выработать план военной операции. Поручик Чечек предлагал пробираться вперед отдельными поездами без всяких побочных операций. Подполковник Войцеховский хотел в тот же день взять Челябинск, а отсюда руководить дальнейшими операциями остальных эшелонов. Не мог я с ним согласиться. С поручиком Чечеком за то, как я был убежден, что отправление невозможно, пока не обеспечим себе все узловые станции... Мое предложение было немедленно уехать к своим частям, дать необходимые распоряжения и приблизительно за 5 дней подготовить выступление.“¹⁵

15 РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л.Л. 30-31.

Под руководством Гайды 11 июля 1918 г. Восточная группа Чехословацкого корпуса заняла столицу Восточной Сибири город Иркутск и открыла дорогу к озеру Байкал. 1 сентября 1918 г. на станции Оловянная после непрерывных трехмесячных боев произошла встреча Восточной группы Гайды с Владивостокской группой генерала М.К. Дитерихса. Вся Сибирская магистраль оказалась в руках чехословаков.

Выступление Чехословацкого корпуса против Советской власти дало толчок к расширению антибольшевистского движения в Сибири, на Урале и в Поволжье. Р. Гайда принимает активное участие в сражениях против большевиков, получив чин генерал-майора и возглавив 2-ю чехословацкую дивизию. Вместе с ней он движется на запад, освобождая совместно с зарождавшейся армией Временного Сибирского правительства города Западной Сибири и Урала. В октябре 1918 г. Гайда, овеянный славой „освободителя Сибири“, был назначен командующим Екатеринбургской группой войск. Здесь молодой генерал выступает вместе со своими соотечественниками под лозунгом восстановления Восточного фронта мировой войны против Германии и ее союзников – большевиков.

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, поставивший во главе Всероссийского временного правительства адмирала А.В. Колчака. Чехословацкое руководство и командование корпуса выступили против этого факта, видя в действиях Верховного правителя Колчака попытку установления военной диктатуры, что во многом предопределило дальнейшие шаги генерала Радолы Гайды.

Надо отметить, что к этому времени положение Чехословацкого корпуса изменилось. На рубеже 1918-1919 гг., стало ясно, что, с одной стороны, прямая военная интервенция союзных держав в Россию выдохлась, не обеспечив ни восстановления Восточного фронта мировой войны, ни падения большевистской власти, а, с другой стороны, с победой Антанты, наконец, закончилась мировая война. Явочным порядком возникло Чехословацкое государство, которое 28 октября 1918 г. объявило о независимости от австро-венгерской монархии. Впрочем, молодое государство было вынуждено силой защищать независимость и свои границы, ведя тяжелейшие бои с венграми в Словакии и с поляками на севере Чехии. Эти события повлияли на умонастроения военнослужащих Чехословацкого корпуса, которые все чаще задавали себе вопросы, почему они „застряли“ в Сибири, если война закончена, а цель их борьбы – создание независимого национально-

го государства – достигнута.¹⁶ После многомесячных непрерывных боёв чехословацкие части были отведены с Восточного фронта русской Гражданской войны в тыл антибольшевистских сил, продолжавших борьбу с Красной армией. Союзным командованием перед ним была поставлена задача охранять Транссибирскую магистраль. 15 января 1919 г. корпус был преобразован в Чехословацкую армию в России и 1 февраля 1919 г. генерал Я. Сыровы назначен ее командующим.

Эти действия не соответствовали настроению генерала Р. Гайды, желавшего продолжения военной карьеры, которую, как ему казалось можно сделать только на строевой должности, сражаясь с врагом. 1 января 1919 г. генерал Гайда временный выходит из чехословацкой армии и поступает на колчаковскую службу. В русскую армию Гайда был принят в чине генерал-майора, позднее повышен до генерал-лейтенанта. Командуя Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г. – Екатеринбургская группа), Гайда подтвердил репутацию виртуозного воина, но одновременно росло и его самолюбие. За взятие Перми Гайда был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, английским орденом Бани и французским Военным крестом с пальмовой ветвью.

После удачных боев зимы 1918/1919 г. Гайда стремился продолжить наступление в сторону Вятки, тем самым обеспечив соединение колчаковской армии с английскими интервентами, действовавшими в районе Архангельска. Однако такой план вызвал разногласие со Ставкой Верховного правителя и его начальника штаба генерал-лейтенанта Д.А. Лебедева, считавшего главным направлением наступления – южное. Это противостояние вылилось в открытый конфликт, в котором обе стороны обвиняли друг друга в военной некомпетентности. В данном случае Верховный правитель выступил на стороне своего начальника штаба. Позднее командир Степного корпуса генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев отмечал: „Мы двигались к Вятке... Войска рвались в поход; все складывалось так, что предвещало полный успех. И вдруг мы получаем из Омска приказ об отступлении. Я лично был всецело против отступления, для которого, по моему мнению, не было решительного никаких оснований и стоял за продвижение вперед, к Вятке, а потом к Вологде, откуда в случае необходимости мы могли бы перекинуться в Архангельск, на соединение к союзникам. Однако

16 Татаров Б., „К истории чешско-словацких частей в 1918-1919 гг.“, *Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции. „Белое дело в гражданской войне в России, 1917-1922 гг.“*, Москва 2005, 56.

созванное мною военное совещание высказалось за исполнение омского приказа об отступлении..."¹⁷

Данная ситуация вылилась в открытый конфликт Радола Гайды со штабом Верховного правителя адмирала Колчака. В ходе переписки со штабом и во время личной встречи с адмиралом Гайда нагло заявил: „Могу вам на это сказать, Ваше Высокопревосходительство, что несмотря на это я прошел практическую школу от солдата и командира рота до командующего армией. О моем образовании вы знали и раньше, тем не менее, сочли возможным уговаривать Штефаника, чтобы он позволил мне возглавить вашу армию. С тем же успехом могу сказать, что ваше образование касается исключительно морской службы, а не сухопутной. Вы тоже не имеете теоретических понятий о командовании армиями, и тем более об управлении целой империей.“¹⁸ Этот конфликт стоил Гайде дальнейшей карьеры.

10 июля 1919 г. Гайда был отстранен от командования Сибирской армией и заменен генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом, бывшим ранее начальником штаба Чехословацкого корпуса. 12 августа 1919 г. отправленный в отставку генерал Гайда прибыл во Владивосток, где он, в августе 1919 г., был переведен в резерв Чехословацкого корпуса. Вскоре, под давлением русского генералитета, не простившего Гайде столь быстрого карьерного взлета, А.В. Колчак лишил последнего чина генерал-лейтенанта. Гайда был исключен из списков русской армии. Последнее толкнуло его в лагерь противников колчаковского режима.

Прибыв во Владивосток, оскорбленный бывший генерал-лейтенант организовал мятеж против Колчака, намереваясь захватить власть в Приморье. Но на этот раз удачливость снова изменила ему. Выступление было жестоко подавлено частями губернатора Приамурского края генерала В.Н. Розанова и японскими оккупационными войсками. Оставшиеся в живых повстанцы были замучены казаками атамана Калмыкова, а раненый Гайда спасся только потому, что за него поручилось командование чешских войск. В декабре его посадили на отплывающий в Европу пароход „Пенза“.¹⁹ 11 февраля 1920 г. Радола Гайда покинул Владивосток и возвратился на родину, чтобы принять активное участие в политической жизни Чехословакии.

17 Цит. по: Кручинин А. С., *Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память*, 401.

18 Цит. по: Позднякова Н., „Радола Гайда – герой Белого движения?“, *Уральский следопыт* 11/2009, 58.

19 Позднякова Н., „Радола Гайда – герой Белого движения?“, *Уральский следопыт* 11/2009, 59.